

Современная война и задачи воспитанія.

Судьба поставила насъ свидѣтелями потрясающихъ событій, съ которыми не можетъ идти въ сравненіе ни одинъ переворотъ, пережитый человѣчествомъ. По площади своего распространенія, вышедшей даже за предѣлы стараго свѣта и захватившей кромѣ того всѣ океаны, по числу втянутыхъ въ нее людей, какъ непосредственно, такъ и посредственно, по числу государствъ и народовъ, взявшихся за оружіе, по числу сражающихся, наконецъ по тому напряженію, съ которымъ она ведется, современная война далеко оставляетъ за собою всѣ пережитыя войны. Далекое значительнѣе будутъ и послѣдствія этой войны сравнительно съ результатами всѣхъ прежнихъ войнъ, и не только вслѣдствіе колоссальности ея размаха, но и потому еще, что въ ней особенное, небывалое значеніе получаетъ идейная сторона, благодаря которой она уже получила названіе освободительной войны. Мы можемъ вспомнить не мало войнъ, которыя на протяженіи столѣтій велись народами во имя идеаловъ свободы и національной независимости, противъ своихъ притѣснителей или противъ грубыхъ варваровъ, посягавшихъ на культурное достояніе болѣе цивилизованныхъ обществъ; героическая борьба грековъ съ персами, швейцарцевъ съ австрійцами, голландцевъ съ испанцами, французовъ съ европейскою коалиціей останутся вѣчными свидѣтелями того, что идеальныя цѣнности культурное человѣчество ставитъ выше всѣхъ другихъ благъ, выше самой жизни. Но эта война представляетъ нѣчто большее. Эта война не только столкновеніе двухъ враждеб-

ныхъ матеріальныхъ силъ, и не только защита одной стороны того, что она считаетъ своей наивысшей цѣнностью. То обстоятельство, что въ ней приняли участіе наиболѣе культурныя націи, изъ которыхъ каждая утверждаетъ, что она борется за культуру, за идеальныя блага, показываетъ, что пониманіе этихъ благъ у обѣихъ сторонъ различно; вслѣдствіе этого война превращается въ борьбу идей, въ борьбу двухъ міровоззрѣній, совершающуюся при помощи матеріальнаго оружія. Нужно вѣрить и надѣяться, что то изъ нихъ, которое выше, соберетъ подъ свое знамя большее число сочувствующихъ и сообщитъ имъ больше силы и воодушевленій въ этой войнѣ, затронувшей почти весь человѣческій родъ; поэтому побѣда одной стороны будетъ означать не только превосходство одной матеріальной силы надъ другой, но и превосходство одного міровоззрѣнія надъ другимъ. Никогда еще съ такой повелительностью не возникла передъ нами необходимость разрѣшенія вопроса— въ чемъ же состоитъ это наивысшее благо, за которое современный культурный человѣкъ готовъ жертвовать жизнью? Результатомъ войны будетъ переоцѣнка многихъ цѣнностей, не только въ сферѣ отвлеченной мысли, но и въ сознаніи каждаго отдѣльнаго человѣка. Такимъ образомъ война повлечетъ за собою измѣненія въ психикѣ и въ настроеніяхъ широкихъ массъ, и эти измѣненія явятся, быть можетъ, причиной не менѣе глубокихъ измѣненій, чѣмъ тѣ, которыя возникнутъ какъ слѣдствіе политическихъ и экономическихъ переворотовъ, вызванныхъ войной. Все это придаетъ настоящей войнѣ исключительную значительность, которая обязываетъ педагога не проходить молчаніемъ совершающихся событій, но принуждаетъ его оказать учащемуся свою долю участія и помощи въ его попыткахъ разобраться въ нихъ.

Но здѣсь педагогъ стоитъ передъ очень трудной задачей, которую даже въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ разрѣшить только отчасти. Матеріаль, изъ котораго строитъ учащійся свое отношеніе къ событіямъ, доходитъ до него въ видѣ газетныхъ и журнальныхъ статей и сообщеній, но главнымъ образомъ въ видѣ слуховъ, разговоровъ и наблю-

даемых имъ поступковъ окружающихъ его лицъ. Кромѣ того, что этотъ матеріалъ не всегда доброкачественный, учащемуся, которому еще предстоитъ задача выработать свое міровоззрѣніе, не достаетъ критерія для того, чтобы разобраться въ немъ. Въ силу свойственной молодому возрасту воспримчивости, учащійся подвергается самымъ разнообразнымъ вліяніямъ и при попыткѣ разобраться въ нихъ оказывается опутаннымъ противорѣчіями. Всякая война, а тѣмъ болѣе настоящая, представляетъ собою самый полный синтезъ наиболѣе крайнихъ проявленій добраго и злого начала души человѣка—величайшей любви и величайшей ненависти, беззавѣтнаго самопожертвованія и самаго крайняго эгоизма, мужества и страха, милосердія и жестокости, самыхъ высокихъ и самыхъ низкихъ влеченій; съ необыкновенной открытостью въ ней проявляются и величіе, и низость души человѣка; все, что въ обыденной жизни въ ней таилось и было скрыто, теперь неудержимо прорывается наружу. Такимъ образомъ факты, представляемые войной, даютъ начало самымъ разнороднымъ чувствамъ въ душѣ подростка. Но этого мало. Сюда присоединяется множество чувствованій, возникающихъ на расовой, національной, семейной, экономической основѣ. Они глубоко коренятся въ самыхъ тайникахъ души, опредѣляютъ выборъ изъ массы доходящихъ впечатлѣній, соответствующимъ образомъ видоизмѣняютъ ихъ и даютъ направленіе мысли. Какое же изъ этихъ вліяній окажется преобладающимъ? Какое чувствованіе окраситъ въ свой цвѣтъ общій фонъ, на которомъ развертываются событія, воспринимаемая учащимся? Какъ онъ ихъ осмыслитъ, въ какое отношеніе поставитъ себя къ нимъ? Не будетъ ли оно слишкомъ поверхностнымъ, или, напротивъ, слишкомъ глубокимъ, а потому, иногда, и слишкомъ пессимистичнымъ?

Какой отвѣтъ придется дать на эти вопросы, не можетъ быть безразличнымъ ни для общества, ни для самого штомца, а потому помощь со стороны педагога въ широкомъ смыслѣ, лучше сказать воспитателя, должна быть признана необходимой. Однако, мы не должны при этомъ упускать изъ виду, что наше воздѣйствіе на воспитанника

не должно быть насильственнымъ. Не налагать на него свои взгляды, не вѣдрять въ него свои чувства, не передѣлывать по своему его внутренній міръ составляетъ нашу задачу,—мы должны только оказать ему свое содѣйствіе въ томъ, чтобы изъ задатковъ его собственной души въ немъ выросло, насколько это возможно, разумное и гуманное отношеніе къ фактамъ войны и правильное пониманіе ея идеи. Мы должны явиться для нашего воспитанника однимъ изъ многихъ факторовъ для выработки его собственнаго взгляда, но факторомъ не случайнымъ, а наиболѣе чуткимъ и близкимъ къ нему. Выполнить свою задачу, поскольку она вообще выполнима, мы можемъ только имѣя въ виду особенности дѣтской и юношеской психики.

Школьный возрастъ отличается повышенной впечатлительностью. Съ годами, по мѣрѣ того, какъ развивается внутренняя жизнь, она притупляется; но чѣмъ моложе возрастъ, тѣмъ съ большей жадностью впитываетъ человѣческое существо все впечатлѣнія, идущія изъ внѣшняго міра, торопясь записать матеріаломъ для послѣдующей сознательной и критической жизни. Поэтому въ школьномъ возрастѣ, особенно въ началѣ его, жадно схватываются всякія внѣшнія проявленія; но пониманіе сущности приходитъ еще не скоро. Отсюда культъ героевъ въ дѣтскомъ возрастѣ, любовь къ приключеніямъ и необыкновеннымъ событіямъ. Почвой, въ которой коренятся эти стремленія, являются хранящіеся въ нашей душѣ въ потенциальномъ состояніи атавистическіе пережитки, унаслѣдованные нами отъ нашихъ очень отдаленныхъ предковъ, которые вели еще полувѣринный образъ жизни, сражались и побѣждали, пользуясь своей силой и выносливостью, и помощью доведенныхъ до крайней остроты внѣшнихъ органовъ чувствъ. Поэтому понятно, что эти задатки отсутствуютъ у дѣвочекъ, и культъ героевъ является привиллегіей мальчиковъ. Условия и образъ жизни, которые были нормальными для тѣхъ нашихъ предковъ, являются исключительными и необычайными въ наше время и свое наиболѣе полное осуществленіе находятъ во время войны. Подростку герой представляется окруженнымъ ореоломъ необычайности, совершающимъ

эффектные подвиги, которые не под силу обыкновеннымъ людямъ, и у него является неудержимое стремленіе подражать ему. Отсюда необыкновенная тяга дѣтей на войну, о чемъ свидѣлствуютъ очень многія газетныя сообщенія. Здѣсь передъ педагогомъ возникаетъ рядъ вопросовъ: нужно ли поощрять въ дѣтяхъ культъ героевъ? Нужно ли воспитывать въ нихъ героизмъ въ ходячемъ пониманіи его смысла? На оба вопроса приходится дать отрицательный отвѣтъ. Дѣти увлекаются внѣшними атрибутами героя, показной, эффектной стороной его дѣяній, въ сущность же героизма они не могутъ еще проникнуть. Поэтому героемъ для нихъ будетъ всякій человѣкъ, совершающій нѣчто необычайное, независимо отъ того, хорошо оно или дурно; Натъ Пинкертонъ, Рокамболь, индійскіе вожди Густава Эмара и Фенимора Купера одинаково захватываютъ его воображеніе, съ несомнѣннымъ предпочтеніемъ тѣхъ героевъ, ареной подвиговъ которыхъ служить первобытная природа. Дѣтское пониманіе героическаго страдаетъ гиперболизмомъ и тѣмъ, что оно останавливается на внѣшности; необходимо углубить и исправить это пониманіе. Сущность героизма заключается не во внѣшней эффектности поступка, но въ величій духа, которымъ вызванъ поступокъ; его результаты всегда значительны, а потому и не заурядны. Съ этой точки зрѣнія не всякаго рубаку можно назвать героемъ, и, напротивъ, нужно счесть героическими многіе такіе поступки, которые вовсе не отличаются внѣшнимъ блескомъ. Тотъ безвѣстный солдатъ, который былъ взятъ въ плѣнъ германцами и былъ разстрѣлянъ ими въ нѣсколько приемовъ за то, что не захотѣлъ выдать военную тайну, совершилъ истинно геройскій поступокъ, потому что проявилъ истинное величіе духа; его поступокъ былъ лишень всякой внѣшней эффектности, но онъ значителенъ, и потому при чтеніи сообщенія объ этомъ, мы испытываемъ глубокое волненіе, слагающееся изъ множества возвышающихъ насъ чувствованій. Величіе духа можетъ проявляться даже въ мелкихъ и повседневныхъ дѣлахъ, примѣръ чему даетъ Лукерья въ „Живыхъ мощахъ“; но оно всегда связано съ тѣмъ наиболѣе высокимъ, чѣмъ обладаетъ человѣкъ—съ его идеальными

цѣнностей. Человѣкъ лишенный ихъ, ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть героемъ; онъ можетъ совершить эффектные поступки, но они не должны называться геройскими.

Теперь очевидно, что средства воспитанія героизма только косвенныя. Направимъ наши силы къ тому, чтобы создать въ дѣтяхъ идеальныя стремленія; окружимъ ихъ такими условіями, чтобы питать въ нихъ возвышенныя чувства; сообщимъ имъ настойчивость, сильную волю и твердый характеръ; и если мы сумѣемъ достигнуть этого, мы создадимъ націю, которая въ дни испытаній покроетъ себя славой героевъ. Но непосредственное воспитаніе героизма въ дѣтяхъ можетъ дать только отрицательные результаты. Не воспитавъ предварительно въ дѣтяхъ надлежащихъ душевныхъ качествъ, мы только усилимъ въ нихъ влеченіе къ внѣшнему блеску и прिवьемъ поверхностное отношеніе къ наиболѣе важнымъ и серьезнымъ вещамъ. Не поощрять, а удерживать мальчиковъ отъ стремленія къ ратнымъ подвигамъ составляетъ нашу обязанность. Не упрекнетъ ли онъ насъ впоследствии за то, что мы не удержали его, малоопытнаго, и не обвинитъ ли онъ насъ въ перенесенныхъ страданіяхъ, а, можетъ быть—увѣчи? Смерть же его падеть тяжелымъ камнемъ на нашу совѣсть. Нѣтъ, необходимо объяснить дѣтямъ, что во всякомъ дѣлѣ средства должны отвѣтствовать поставленной цѣли; что для высокой цѣли должны быть и большія средства. Иначе, если средства ниже цѣли, результаты поступка будутъ ничтожны и жалки; мальчикъ, отправившійся на войну для совершенія геройскихъ подвиговъ, чаще всего оказывается въ концѣ концовъ обузой для войска и возбуждаетъ къ себѣ въ окружающихъ чувства не удивленія, а жалости и состраданія. Напротивъ, нужно указывать дѣтямъ, что блескъ не есть непремѣнный атрибутъ героизма, что героическія дѣла часто совершаются скромно и безъ всякаго шума. Вся наша армія въ цѣломъ совершаетъ сейчасъ героическое дѣло, потому что она одушевлена возвышенной идеей и духъ ея стоитъ на огромной высотѣ; не менѣе героизма проявляетъ и мирное населеніе на территоріи, захваченной военными дѣйствіями. По-

разительный примѣръ героизма представляетъ весь бельгійскій народъ, рѣшившійся на массовой исходъ изъ родной страны, но не склонившій головы передъ торжествующимъ врагомъ. Намъ, живущимъ вдали отъ полей сраженій, остается проявлять въ области, предоставленной намъ, какъ мирному населенію, такую же непреклонность духа, ту же настойчивость и преданность возвышеннымъ идеаламъ.

Противоположность величію духа есть пошлость. Чѣмъ болѣе принижается идеаль, тѣмъ болѣе полно овладѣваетъ пошлость душой человѣка. Всѣми силами нужно бороться противъ того, чтобы эта ужасная зараза не распространялась въ обществѣ; въ особенности на педагогахъ лежитъ обязанность предохранить отъ загрязненія пошлостью души ихъ питомцевъ. Граница между возвышеннымъ и пошлымъ часто легко стирается, потому что внѣшняя форма того и другого можетъ быть одной и той же, и различіе открывается только въ неуловимыхъ почти чертахъ. Сохраните внѣшнюю форму, но выньте внутреннюю сущность, то есть идею, и возвышенное превратится въ пошлое. Въ обществѣ обращается много возвышенныхъ мыслей; что еще мы можемъ прибавить къ тому, что за долгую жизнь человѣчества было высказано великаго и важнаго? Но схватывая мысль и не согласуя съ ней дѣло, не связывая ее со всѣми другими мыслями въ одно органическое цѣлое, не превращая ее въ интегральную часть своей души, и не дѣлая такимъ образомъ ее двигательной силой своего поведенія, люди схватываютъ собственно только внѣшнее словесное выраженіе мысли и повторяя ее, занимаются только пошлымъ пустозвонствомъ. Во время войны особенно угрожаетъ эта опасность. Война двулика, она сближаетъ всѣ противоположности; возвышенное и низкое въ ней соприкасаются и уживаются рядомъ не только на поляхъ сраженій. Забвеніе ея возвышенной, идейной стороны, что такъ легко для людей неглубокихъ, вызываетъ разнообразныя проявленія пошлости; неразборчивые люди извлекаютъ выгоду, играя на низменныхъ свойствахъ души человѣка и приспособляясь ко вкусамъ и настроенію широкихъ массъ. Отсюда всякаго рода издѣвательства надъ противникомъ, находящія свое выра-

женіе въ каррикатурахъ, лубочныхъ картинахъ, въ театральныхъ представленіяхъ, кинематографахъ, наконецъ въ газетной и брошюрной литературѣ. Иначе какъ пошлой нельзя назвать каррикутуру въ № 10 журнала „Забіяка“, изображающую турка, съ подписью: „долой свиное ухо“. Къ счастью, подобное настроеніе въ настоящую войну проявляется рѣдко, но тѣмъ не менѣе оно всегда готово проявиться и противъ него необходимо быть на сторожѣ. Педагогу необходимо напоминать своему воспитаннику, что война—трагедія и не должна давать поводъ къ пошлomu смѣху. Нужно помнить, что въ войнѣ идетъ дѣло о наиболѣе цѣнномъ достояніи человѣка—о его идеалахъ, культурѣ, жизни, а потому она требуетъ къ себѣ серьезнаго и глубоко вдумчиваго отношенія. Издѣвательство надъ противникомъ, презрѣніе и неуваженіе къ нему, униженіе его человѣческаго достоинства показываютъ только низменность собственной души и отсутствіе сознанія собственного достоинства.

Неуваженіе къ противнику проявляется не только въ пошломъ издѣвательствѣ надъ его личностью. Оно выражается также въ презрительномъ и легкомысленномъ отношеніи къ его культурѣ, къ произведеніямъ его ума и чувства; такъ проявляютъ себя люди даже и не пошлые, но малосвѣдующіе и ограниченные. Такое отношеніе опять рождаетъ не противника, но тѣхъ, кто произноситъ эти сужденія. Постараемся уберечь и отъ этой опасности нашихъ воспитанниковъ. Для этого дадимъ имъ понятіе о тѣхъ громадныхъ культурныхъ пріобрѣтеніяхъ, которыя внесли Германцы въ общую сокровищницу человѣчества. Въ особенности важно усвоить мысль, что наука и искусство, хотя и отражаютъ въ себѣ національный геній, по существу своему интернаціональны, и что поэтому неразумно отвергать то хорошее, что выработано другимъ народомъ только потому, что мы находимся въ настоящее время во враждебныхъ отношеніяхъ съ нимъ. Научимъ нашихъ питомцевъ уважать все великое, хорошее и доброе, откуда бы оно ни исходило; эти цѣнности вѣчны, тогда какъ вражда между народами—преходяща.

Такимъ образомъ мы научимся видѣть въ непріятелѣ

человѣка и избѣжимъ того, чтобы ненависть и ожесточеніе овладѣли душой нашихъ питомцевъ. Однако, можно поставить вопросъ: не слѣдуетъ ли оберегать дѣтей отъ знакомства, посредствомъ чтенія и разказовъ, съ ужасами войны, съ кровавыми сценами, съ картинами ожесточенія, насилія, человѣческаго страданія? Не рискуемъ ли мы этими картинами ожесточить и истерзать дѣтскую душу? Конечно, развѣртывать передъ дѣтми эти картины никто не станетъ ради ихъ самихъ, но только имѣя въ виду опредѣленную цѣль; но затѣмъ общаго отвѣта дать нельзя—какъ поступать—зависитъ отъ различныхъ условій. Среди дѣтей есть нервныя, слишкомъ впечатлительныя натуры, которыя слишкомъ сильно чувствуютъ и болѣзненно воспринимаютъ именно эту ужасную сторону войны; но однако много такихъ, и этихъ, пожалуй, большинство, которыя остаются равнодушными къ человѣческому страданіямъ и воспринимаютъ ихъ легкомысленно и поверхностно, чисто внѣшнимъ образомъ. Жизненный опытъ дѣтей еще слишкомъ недостаточенъ, ихъ душевная жизнь не разливается широкимъ потокомъ, ассоціаціи устанавливаются лишь медленно и несовершеннымъ образомъ; вслѣдствіе этого и воображеніе ихъ въ мало извѣстной имъ области дѣйствуетъ вяло и нерѣшительно. До дѣтей доносятся свѣдѣнія о сраженіяхъ, объ убитыхъ и раненыхъ, о разоренныхъ городахъ, о пожарахъ; но эти факты не производятъ на нихъ часто большого впечатлѣнія, потому что у нихъ не устанавливаются при этомъ тѣ ассоціаціи, которыя возникаютъ у взрослога. Дѣти не могутъ воспринять такъ полно, какъ взрослый, всю силу страданій жертвъ войны, всѣ тягости походной жизни нашихъ воиновъ, и педагогу нужно пробудить дремлющія въ нихъ чувства. Нужно для этого раскрыть передъ ними, что каждое услышанное или прочитанное ими имя убитаго означаетъ невозградимую потерю и тяжелое горе для многихъ лицъ; что каждое сраженіе несетъ съ собою страданія для тысячъ людей; что каждое извѣстіе о разоренномъ городѣ или деревнѣ означаетъ, что тысячи безпомощныхъ человѣческихъ существъ—стариковъ, женщинъ, дѣтей--лишились крова и преданы тяжелымъ испытаніямъ отъ голода и холода. Нужно, чтобы

они поняли и почувствовали, что война несетъ съ собою ужасъ и бѣдствія, что за радостными извѣстіями о побѣдѣ скрываются самыя ужасныя человѣческія страданія. Только понявъ все это, поймутъ дѣти и все величіе подвига, совершаемаго народомъ и его войскомъ, защищающими свое достоинство и свободу—тѣ блага, передъ которыми кажется ничтожнымъ всякое страданіе и безъ которыхъ теряетъ цѣнность самая жизнь.

Недостатокъ собственнаго жизненнаго опыта, невозможность понять всю сложность человѣческихъ отношеній, большая впечатлительность, въ связи со слабостью критическаго мышленія,—всѣ эти особенности дѣтской психики производятъ то, что дѣти легко отдаются во власть одного сильнаго впечатлѣнія, т. е. начинаютъ жить односторонней душевной жизнью. Эти особенности придаютъ прямолинейность и абсолютный характеръ заключеніямъ дѣтей и дѣлаютъ ихъ неспособными къ компромисснымъ рѣшеніямъ. Легко можетъ случиться, что сознавъ и почувствовавъ, что война ужасна, что она несетъ съ собою неисчислимыя страданія, многія дѣти вполне послѣдовательно впадутъ въ пессимизмъ. Съ этимъ тяжелымъ и вреднымъ состояніемъ духа нужно бороться, воздѣйствуя и на умъ и на чувство. Оно коренится въ чувствахъ, но направляется разумомъ. Подъ вліяніемъ чувства разумъ дѣлаетъ выборъ изъ представляющихся сознанію фактовъ, съ преимущественнымъ интересомъ останавливается на однихъ, игнорируя другіе, и истолковывая первые въ направленіи, соотвѣтствующемъ общему настроенію. Казалось бы, что главныя усилія нужно направить именно на упорядоченіе мышленія дѣтей; однако, большого успѣха здѣсь ожидать нельзя. Прежде всего потому, что правильное мышленіе возможно только въ объективной области науки; если исходныя данныя правильны и всѣ имѣются въ наличности, если притомъ всѣ ассоціативныя связи въ исправности, то правильный выводъ, т. е. соотвѣтствующій дѣйствительности, получается съ неизбѣжностію; даже и въ томъ случаѣ, если данныя не вполне точны или не вполне достаточны, выводъ будетъ содержать объективную истину; ея доля тѣмъ меньше, чѣмъ

меньше истины содержится въ данныхъ и чѣмъ число ихъ меньше, но все таки нѣкоторая доля истины, которая содержится въ данныхъ, перейдетъ и въ заключеніе. Поэтому и не бываетъ абсурдныхъ гипотезъ, совершенно лишенныхъ верна истины. Совсѣмъ инымъ представляется разсужденіе, когда оно касается человѣческихъ отношеній. Здѣсь ассоціативныя связи встрѣчаютъ на своемъ пути центры чувствованій; идеи, проходя черезъ эти центры, пріобрѣтаютъ чувственную окраску, ассоціативныя связи часто радикально измѣняютъ свое направленіе, и въ результатѣ выводъ оказывается совершенно лишеннымъ соотвѣтствія объективной дѣйствительности. Задача педагога въ дѣлѣ воспитанія ума состоитъ въ пріученіи дѣтей къ научному мышленію не только въ области науки, но и въ области жизни; но мы можемъ надѣяться въ этомъ дѣлѣ только на очень скромный успѣхъ. До какой степени затруднительно научное мышленіе во всѣхъ случаяхъ, т. е. и въ тѣхъ, гдѣ затронуту чувство, разительный примѣръ представляетъ воззваніе 93 нѣмецкихъ ученыхъ и писателей, все построенное на недоказанныхъ утвержденіяхъ, призывающее къ вѣрѣ словамъ его авторовъ и аргументирующее ихъ честью. Нѣмецкіе ученые забыли, что научное мышленіе требуетъ фактическаго или логическаго доказательства и исключаетъ элементъ вѣры; единственная вѣра, не только допускаемая имъ, но и необходимая, это вѣра въ добросовѣстность изслѣдователя, т. е. въ то, что сообщаемые авторомъ факты добросовѣстно имъ установлены, а не выдуманы. Если такъ бываетъ трудно въ извѣстныхъ случаяхъ объективное мышленіе для людей науки, то для дѣтей оно невозможно. Однако нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи могутъ и должны быть сдѣланы, и не только въ цѣляхъ борьбы съ пессимизмомъ и упадкомъ духа, но и въ видѣ самостоятельной задачи.

Главнымъ образомъ борьба должна быть направлена противъ легковѣрія дѣтей. Нужно убѣдить ихъ въ томъ, что нельзя принимать на вѣру всякій слухъ и всякое извѣстіе. Не всякое ложное извѣстіе безусловно ложно; по большей части въ немъ скрыта доля истины, но эта истина, пе-

реходя изъ устъ въ уста, искажается до неузнаваемости. Причина ложной передачи факта не всегда заключается въ зломъ намѣреніи; чаще всего въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни фактъ искажается потому, что воспринимается въ искаженномъ видѣ, въ зависимости отъ психическихъ особенностей и настроенія воспринимающаго. Но въ военныхъ условіяхъ нужно считаться съ возможностью и завѣдомой лжи, и это обстоятельство вынуждаетъ насъ къ особенному скептицизму къ доходящимъ до насъ слухамъ и къ осмотрительности въ ихъ передачѣ другимъ. Укрѣпить дѣтей въ этомъ скептицизмѣ является очень важной задачей.

Другая важная ошибка въ разсужденіи проистекаетъ изъ недостаточности данныхъ, на которыхъ строится заключеніе. Въ этомъ отношеніи нужно убѣдить дѣтей въ томъ, что единичные факты еще ничего не доказываютъ; что важна ихъ совокупность и общая идея, направляющая поступки людей. Во всякомъ случаѣ нужно стараться воздержать дѣтей отъ признанія полученныхъ ими выводовъ за окончательные и правильные. Мы, конечно, не можемъ запретить имъ думать и дѣлать выводы, потому что запретить это себѣ не въ силахъ и тотъ, кто думаетъ; но мы можемъ стараться ввести въ кругъ мыслей дѣтей и такія, которыя будутъ направлять и видоизмѣнять ихъ мышленіе. Такъ, имъ нужно выяснить, что современники не въ силахъ судить правильно во всѣхъ отношеніяхъ о тѣхъ событіяхъ, въ центрѣ которыхъ они находятся; для этого требуется, чтобы эти событія отошли въ извѣстное прошлое и чтобы тѣ, кто судятъ, могли подняться выше личныхъ пристрастій, подобно тому, какъ для того, чтобы правильно судить о характерѣ и взаимномъ расположеніи частей мѣстности, нужно подняться надъ нею и смотрѣть съ извѣстнаго разстоянія.

Такимъ образомъ, наша роль въ воздѣйствіи на разсужденіе дѣтей можетъ быть сдерживающая и корректирующая. Но надѣяться на достиженіе большихъ результатовъ въ этомъ направленіи, повторяю, не слѣдуетъ; для этого событія слишкомъ сложны, а мышленіе слишкомъ слабо. Гораздо большаго успѣха можно ожидать отъ воз-

дѣйствія на область чувства. Моральное сознание у дѣтей, выражающееся въ ихъ чувствѣ справедливости, очень развито. Они въ высшей степени чутко относятся ко всякой несправедливости и болѣзненно воспринимаютъ ее. Въ моральной оцѣнкѣ поступковъ они всегда послѣдовательны и непреклонны и не знаютъ никакихъ компромиссовъ; мысль о томъ, что *summum jus—summa injuria*, для нихъ совершенно чужда. Эта моральная чуткость дѣтей и является нашимъ союзникомъ. Конечно, выяснить точно причины войны невозможно; этихъ причинъ не одна, ихъ много, и каждая изъ нихъ въ свою очередь является очень сложнымъ фактомъ. Политическія, экономическія, біологическія, психологическія причины, каждая изъ которыхъ представляетъ сложный конгломератъ причинъ, переплетаются между собою и воздействуютъ одна на другую; разобраться въ этомъ сложномъ сплетеніи возможно будетъ только въ послѣдствіи, путемъ коллективныхъ усилій многихъ. Дать дѣтямъ понятіе объ этой сложности безусловно необходимо. Но остановиться на ближайшихъ историческихъ и непосредственныхъ причинахъ вполне возможно, потому что онѣ очевидны и легко подтверждаются фактически. Къ нашему счастью, онѣ несутъ для насъ и нашихъ союзниковъ моральное оправданіе. Дѣти должны получить полное убѣжденіе въ томъ, что справедливость на сторонѣ нашего отечества; мы—сторона защищающаяся, а не нападающая; мы стоимъ за право народовъ на свободное культурное развитіе, а не наши противники. Нашъ идеалъ, за который мы боремся, идеалъ общечеловѣческой, который не противостоитъ національному идеалу, но включаетъ, объемлетъ его, и потому онъ пріемлемъ для всѣхъ народовъ; между тѣмъ какъ идеалъ нашихъ противниковъ—исключительно нѣмецкій, который противоположенъ общечеловѣческому, а потому и непріемлемъ ни для какого народа, кромѣ нѣмецкаго. Убѣжденіе въ справедливости предпринятаго дѣла позволяетъ отбросить возможные сомнѣнія и придаетъ громадную нравственную силу, а съ нею бодрость духа и стойкость; поэтому и важна сознательная выработка этого убѣжденія подрастающимъ поколѣніемъ.

Въ тѣснѣйшей связи съ глубоко эгоистическими мотивами вызванной нѣмцами войны стоятъ и принятыя ими безчеловѣчныя способы ея веденія, открытое признаніе нѣмцами террора, жестокости и безопасности какъ необходимыхъ условій ея успѣшности, и принципиальное освобожденіе себя отъ всякихъ этическихъ нормъ по отношенію къ противнику. Такое отношеніе нѣмцевъ придаетъ въ глазахъ мыслящаго человѣка трагическій характеръ настоящей войны, потому что ни умъ, ни чувство не могутъ примириться съ наблюдаемымъ нами нравственнымъ ослѣпленіемъ культурной націи и найти ему оправданіе; тѣмъ болѣе, что профессора и писатели—мозгъ и сердце націи—открыто стали въ защиту эгоистическихъ идеаловъ и милитаризма своей страны. Можемъ ли мы обходить молчаніемъ или даже скрывать отъ дѣтей ту жестокость, съ которой ведется война со стороны нѣмцевъ? Конечно, нѣтъ. Дѣти должны знать, что нѣмцы—врагъ страшный, настойчивый и безпощадный; что для нѣмцевъ другіе народы только глубоко презираемое ими орудіе для достиженія своего собственнаго благосостоянія и могущества, и что поэтому побѣда нѣмцевъ несетъ съ собою угрозу благосостоянію и свободѣ побѣжденныхъ ими народовъ. Эти мысли уясняютъ намъ значеніе войны; онѣ усиливаютъ въ насъ сознаніе нашей правоты и дѣлаютъ очевидной необходимость единенія, стойкости и твердости духа.

Сообщая дѣтямъ о жестокостяхъ нѣмцевъ въ Бельгій и Польшѣ, о разрушеніи ими памятниковъ искусства, о разграбленіи ими всякой занятой ихъ войсками страны, и уясняя, что это не единичные случаи, а результатъ системы, послѣдовательно проводимой идеи, мы не должны бояться возбудить въ дѣтяхъ святое чувство негодованія противъ варварскихъ поступковъ современныхъ Атилль. Но опасно возбуждать слѣпую, звѣриную злобу къ отдѣльнымъ людямъ и къ цѣлому народу: негодованіе должно быть обращено на поступки, а не на людей, которыхъ можно только жалѣть за ихъ ослѣпленіе. Нужно научиться отдѣлять поступокъ отъ совершившаго его человѣка, и, возмущаясь первымъ, прощать и жалѣть второго, потому что возмущен-

не злымъ поступкомъ возвышаетъ насъ, а ненависть и злобное чувство къ человѣку, напротивъ, ровняетъ. Нельзя допустить въ душу дѣтей отраву человѣконенавистничества. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ слышать изъ чистыхъ дѣтскихъ и юношескихъ устъ слова злобы и ненависти по отношенію къ другому народу, не только потому, что эти чувства искажаютъ душу и глубоко антисоціальны, но еще и потому, что въ этомъ выражается недопустимое давленіе воспитателя на душу своего питомца. Поэтому, сообщая о проявленіяхъ жестокости нѣмцевъ, не упустимъ сообщить и о проявленіяхъ человѣколюбія и этимъ покажемъ возможность объективнаго сужденія; вмѣстѣ съ этимъ позаботимся, чтобы дѣти распространили свое чувство симпатіи на всякаго страдающаго человѣка, независимо отъ его національности, и даже на того, кто является мирнымъ или вооруженнымъ врагомъ ихъ родины.

Подобныя бесѣды и разъясненія могутъ способствовать установленію правильнаго отношенія дѣтей къ тому ужасу, который несетъ съ собою война; но этотъ ужасъ — только одна сторона грознаго явленія. Война не только разрушительная, она въ то же время и созидательная сила. Всѣ стороны души человѣка достигаютъ наивысшаго напряженія въ военное время: наряду съ проявленіями самой крайней вражды и жестокости — дѣла самой высокой любви и милосердія. Настоящая война сильно отличается отъ всѣхъ прежнихъ тѣмъ, что она несравненно болѣе тѣхъ насыщена идеальными стремленіями, ожиданіями большого счастья народовъ и единенія между людьми. Передъ нами развертываются величественныя событія. Не будемъ бояться употребить это торжественное слово — нѣтъ словъ, достаточно сильныхъ, чтобы достойно выразить то, что творится въ настоящую историческую минуту. Мы, участники и зрители событій, съ трудомъ можемъ постигать ихъ значеніе; но наши потомки, которые воспользуются послѣдствіями, теперь едва возникающими, лучше насъ оцѣнятъ наше время и назовутъ его героическимъ, а эту войну благодѣтельной. Необходимо раскрыть передъ дѣтьми съ наибольшей полнотой и силой картины содружества и единенія народовъ.

Разъединяя враговъ, война тѣмъ крѣпче связываетъ узами солидарности и братства другіе народы, объединяя ихъ въ усиліяхъ совмѣстной защиты. Отчетъ объ историческомъ засѣданіи Государственной Думы производитъ потрясающее впечатлѣніе и долженъ быть извѣстенъ дѣтямъ. Взаимное примиреніе народовъ, входящихъ въ составъ нашего государства—имѣетъ глубокой внутренней смыслъ; оно только намѣчено и предстоить еще долгій путь для достиженія конечной цѣли, но уже мелькаютъ проблески сознанія того, что есть нѣчто высокое, въ чемъ мы все солидарны и передъ чѣмъ кажутся ничтожными національныя распри и взаимныя обиды. Исчезаетъ вражда и взаимная подозрительность между большими государствами; Россія, Англія и Франція протягиваютъ другъ другу руку, и постепенно проникаетъ въ общее сознаніе мысль, что для всѣхъ народовъ должно найтись мѣсто подъ солнцемъ, что ихъ интересы не безнадежно противоположны, что есть нѣчто самое высокое, чему все остальное должно быть подчинено, и это—идеалы духовной культуры, правды, справедливости и человѣческой солидарности. Не только на поляхъ сраженій крѣпнеть и расти эта идея; мирное населеніе сливается въ одномъ порывѣ со своими вооруженными защитниками и съ воодушевленіемъ беретъ на себя облегченіе ихъ ратнаго подвига, помощь раненымъ и защиту и призрѣніе ихъ дѣтей. Въ широкихъ размѣрахъ оказывается помощь разоренному войной мирному населенію; бѣженцы изъ Польши и изъ Турецкой Арменіи находятъ пріютъ и участіе внутри страны; изъ Бельгіи, побѣжденной, но не покоренной, сотни тысячъ изгнанниковъ встрѣчаютъ братскій пріемъ въ Голландіи, Англіи и Франціи; Кэмбриджскій университетъ раскрываетъ свои двери брюссельскимъ профессорамъ и студентамъ; широко разливается волна сочувствія страдающимъ и несчастнымъ. Въ дыму пожаровъ, среди страданій и стоновъ, возникаютъ ростки новой жизни, крѣпнутъ узы человѣческаго содружества и братства. Не обязаны ли мы раскрыть это зрѣлище передъ дѣтскими глазами?

Но недостаточно ограничиться словесными бесѣдами и разъясненіями. Чтобы быть живой, симпатія къ людямъ

должна быть дѣятельной; теоретическое же, хотя и сочувственное отношеніе къ людскимъ страданіямъ не захватываетъ глубины человѣческой души. Необходимо побудить дѣтей къ активному проявленію своего участія. Всѣмъ извѣстно, въ чемъ оно можетъ выражаться. Помощь раненымъ, уходъ въ очагахъ за дѣтьми запасныхъ, раздача пицци на питательныхъ пунктахъ, шитье бѣлья, изготовленіе подарковъ для дѣйствующей арміи, участіе въ сборахъ денегъ и вещей, пожертвованія изъ собственныхъ средствъ и имущества, и тому подобныя проявленія личнаго участія въ громадномъ дѣлѣ составляютъ арену приложенія дѣтскихъ силъ. Важно то, чтобы наши питомцы несли и свою долю жертвы, чтобы ихъ трудъ былъ согрѣтъ любовью и былъ настойчивъ, чтобы ихъ порывъ былъ длительнымъ, а не скоропреходящимъ. Все общество, забывъ національныя, социальныя и другія различія, сливается въ одно могучее цѣлое для защиты одного общаго дѣла, которое въ эту минуту является наиболѣе настоятельнымъ; пусть же примкнутъ къ нему и наши дѣти! Пусть они тоже станутъ дѣятельными участниками великихъ событій, въ той мѣрѣ, въ какой позволяютъ ихъ силы. Будемъ надѣяться, что это участіе заронитъ въ ихъ души сознаніе того, что человѣческая солидарность болѣе могущественная сила, чѣмъ вражда и ненависть.

Н. Н. Володкевичъ.

